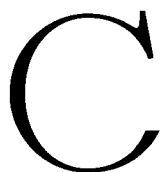

проще
говоря

ПРАВИЛЬНЫЕ СЛОВА

Слово «глаз» – жаргонное, «лошадь» – иностранное, а «кофе» среднего рода и пишется через «а». Фантастика? Нет, всего лишь прошлое русского языка. Сегодня наш язык снова меняется. Действительно ли он при этом портится?

Как говорить нормально

Первое, что ассоциируется с языком, – правила. Как писать, ставить знаки препинания, не ошибаться в ударениях. Это мы учим в школе и демонстрируем на выпускных экзаменах. Кажется, что нормы неизменны, и нарушать их – если не смертный грех, то вопиющая необразованность.

А потом мы видим, как ошибка, за которую нам ставили «двойки», становится эталоном. Так, в Большом словаре ударений, который выйдет в этом году, «ждáло» и «звáло» превратятся в «ждалó» и «звалó». По данным его составителей, на последний слог ставят ударение большинство образованных носителей русского языка.

Вроде бы надо радоваться: непопулярный вариант можно не запоминать. Но многие растерялись или даже возмутились: зачем менять норму? Умные люди когда-то решили, что лучше говорить «ждáло» и «звáло». Кто мы такие, чтобы с ними спорить?

Но и создавали язык не небожители, а самые обыкновенные люди. Хотя мы и не знаем точно, как сложились первые языки, можно быть уверенными, что их придумали не лингвисты. Люди умели говорить уже сотни тысячелетий назад, а древнейшей (шумерской) письменности каких-то пять тысяч лет. А ведь лингвистика как наука гораздо младше письменности.

Когда ученые наконец принялись изучать язык, они обнаружили, что люди произносят одни и те же слова, строят одни и те же фразы несколько по-разному. Самый распространенный вариант лингвисты назвали нормой. То есть говорить нормально – значит просто говорить как большинство. Другие варианты называются диалектными, жаргонными, еще какими-то – но не «неправильными» или «ошибочными». Дело лингвистов – изучать язык, а не диктовать ему условия.

Кто правит правилами

Так откуда же берутся правила? Правила – это закономерности, которым подчиняется языковая норма. Другими словами, правила создают носители языка, а лингвисты их только констатируют. Не будем преуменьшать роль образования, но правила существуют даже в языках, не имеющих письменности и не изучаемых в школах. Как складываются правила при общении множества людей – отдельный большой вопрос, в который мы не будем погружаться. Так или иначе, правила, бытующие в языке, не остаются постоянными. Со временем язык меняется. Одни слова исчезают, другие начинают произноситься и записываться иначе.

Изменения фиксируют – не придумывают, а именно фиксируют – лингвисты, проверив на большой группе образованных людей. И только в том случае, если новая норма вписывается в систему языка. В словарях вряд ли закрепят произношение слова «мозг» со звонким [зг]: в русском языке согласные в такой позиции оглушаются, мы говорим «мо[ск]», даже не всегда отдавая себе в этом отчет.

Многие изменения норм и правил незаметны для большинства носителей (даже очень грамотных) просто потому, что не выглядят нелогичными. Например, формы «дарíт», «варíт» и «дружít» в XX веке безболезненно превратились в «дáрит», «вáрит» и «дрúжит» – в отличие от «звóнит», которому встроиться в систему упорно не позволяют (хотя в прошлом веке норма была двойная).

Стоит ли напоминать, что привычные «тапок» и «кроссовок» в современных словарях (и на ЕГЭ) вообще-то женского рода – «тапка», «кроссовка»? И что наречия вроде «по-весеннему» еще до 1956 года следовало писать слитно? Даже слово «кофе» существительным среднего рода не стало, а было изначально. И имело ударение на втором слоге. И букву «а» в первом. «Вкусное кафе», да. Так написано в самом раннем русскоязычном тексте, где кофе вообще упоминается.

Менеджмент – это комильфо

Еще один предмет горячих споров – заимствованные слова, якобы вытесняющие исконную лексику. Откуда бы они ни приходили, кто-нибудь обязательно

но будет считать их чужими, а то и опасными для родного языка. Но давайте подумаем: как и, главное, зачем мы заимствуем слова?

Есть множество случаев, когда людям удобнее использовать иностранное слово. Часто чужие слова приходят в нашу жизнь вместе с вещами, ими обозначаемыми. Например, увидели наши предки, что люди, говорящие на другом языке, ездят на неизвестном животном и называют его тюркским словом «алаша». Как рассказать о нем семье, как обозначить? Можно попытаться повторить это непривычное «алаша», а со временем оно обживется, изменится по аналогии с другими русскими словами, и получится «лошадь». Так же пришли в русский язык «кино» и «такси», «люля-кебаб» и «суши».

Заимствование может отличаться от существующего синонима каким-то оттенком смысла: киллер — не просто убийца, а наемный убийца. Заимствование может быть просто короче исконного аналога: «аккаунт» короче «учетной записи».

Часто заимствованное слово используется как термин, чтобы не путаться в разных значениях исконного синонима. Сколько слов в предложении «Ошибка на ошибке сидит и ошибкой погоняет» — семь или пять? Лингвист скажет, что здесь пять лексем, но одна из них — в трех словоформах.

Конечно, это неполный список. Зачем, например, превращать уборщицу в «менеджера по клинингу»? Иногда иноязычные слова просто кажутся людям уместнее или престижнее исконных. Вспомните, как в XVIII — первой половине XIX веков российские аристократы упоенно говорили по-французски. «Она по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала. / И выражалась с трудом / На языке своем родном», — пишет Пушкин о Татьяне. Конечно, в быту девушка свободно говорила по-русски, но вот написать любовное письмо возвышенным слогом не могла.

В те времена ревнители чистоты языка имели куда больше причин беспокоиться, чем сейчас. Иностранных слов пришло в несколько раз больше, а в некоторых сферах русский не использовался вообще. Например, требование писать научные работы на латыни, французском или немецком (из-за отсутствия терминологии в русском) стало смягчаться только в 1819 году. Но наш язык все выдержал, не обеднел и к XX веку уже мог похвастаться собственным научным стилем.

Претензии к заимствованиям и попытки «спастись» от них сопровождали русский язык на протяжении всей его истории. Однако сохранялись и приживались слова, которые языку и носителям зачем-то были нужны, а лишние исчезали. Французское «плезир», то есть «удовольствие», русские забыли, а такие же французские «котлета», «суп» и «гараж» стали совсем родными. «Актер», «афиша», «дуэль», «досье», «реноме» — заимствования из французского языка можно перечислять очень долго.

Многие слова, которые кажутся нам исконными, на самом деле заимствованные. Помните колоритные «(стольный) град» и «врата» в сказках? Это заимствованные слова, русские аналоги которых «город» и «ворота». К «пришлым» относятся и привычные «младенец» (молодой), «ограждать» (огораживать), «ладья» (лодка). Все эти слова пришли в древнерусский из старославянского — очень близкого, но все-таки другого языка. Именно на старославянский болгары Кирилл и Мефодий переводили греческие книги. Старославянский язык попал на Русь вместе с письменностью. На нем молились, писали летописи и книги, но говорили по-прежнему на древнерусском.

Благодаря словам, которые русский впитал из других языков, у нас появилась возможность выражать множество новых понятий, оттенков смысла и стиля. «Подарок» не совсем то же, что «презент», а «град» — не просто «город». Разве можно это назвать обеднением? Скорее уж заимствования обогатили язык.

Позитивные вайбы

Рассуждения о заимствованиях часто перетекают в разговор о сленге. Многие сленговые слова действительно иностранного происхождения: «вайб», «чилить», «аппрувнуть» и старое доброе ИМХО — In My Humble Opinion, то есть «по моему скромному мнению». Но есть и исконный жаргон. Например, у «бабок» тот же общеславянский корень, что «бабушки», а «душнила» — родственник «души», «воздуха» и «подушки».

Претензии ко всем сленговым выражениям одинаковые: делают речь вульгарной и непонятной. Но ведь жаргон (любой) для этого и нужен!

В обществе бок о бок живут множество людей — разного возраста, с разными взглядами и целями. Каждой группе, с одной стороны, нужно «личное

ФРАНЦУЗСКОЕ «ПЛЕЗИР» МЫ ПОЗАБЫЛИ, А «КОПЛЕТА», «СУП» И «ГАРАЖ» СТАЛИ СОВСЕМ РОДНЫМИ

пространство», возможность отделиться от остальных, с другой – что-то объединяющее и выделяющее на фоне других. Поэтому мы находим способ общаться так, чтобы разграничивать «своих» и «чужих». Например, младшим поколениям сленг помогает чувствовать себя частью группы сверстников. Иногда важно и скрыть смысл своих слов от непосвященных (вспомним воровской жаргон).

Сленг, как правило, активно используется только внутри «своей» социальной группы. Иногда, конечно, жаргонные слова становятся достоянием более широкого круга или превращаются в общеупотребительные. Но ведь и в таких случаях выразительных средств в языке прибавляется. Например, слово «глаз» в нынешнем значении когда-то было жаргонным, а в норме означало «шарик» (вспомните выражение «вылупить шары»). В какой-то момент «глаз» перекочевал в литературный язык, а нормативное «око» стало книжным, возвышенным. В результате мы получили два синонима, уместные в разных ситуациях. Чем не обогащение языка?

В чем право правописания

● Школьникам, измученным нюансами родной орфографии, может показаться, что правила только усложняют жизнь. На самом деле они здорово ее облегчают. Михаил Панов в книге «И все-таки она хорошая. Рассказ о русской орфографии» показал письмо по принципу «как слышится»:

Нап каждым словам нужна была бы падумать: как же ано праизносицца? Кажыцца, так, а можыд быть и эдак; улавить сваё праизнашения – вещь очинь трудная.

Согласитесь, читать непросто. Нужно узнать каждое слово, не перепутать его с другими, не потерять нить повествования. Почти любое сочетание звуков можно записать по-разному. Правила правописания нужны как раз для того, чтобы разные носители языка вне зависимости от своих особенностей произношения понимали друг друга.

СЛОВО «ГЛАЗ» В НЫНЕШНЕМ ЗНАЧЕНИИ КОГДА-ТО БЫЛО ЖАРГОННЫМ, А В НОРМЕ ОЗНАЧАЛО «ШАРИК»

Как помочь языку

Для начала – не паниковать. Желать родному языку процветать – нормально. Не радоваться изменениям – тоже. Но важно помнить, что перемены не всегда к худшему.

Нет смысла искать правых и виноватых. Споры о нормах, заимствованиях и сленге строятся на идее, что кто-то язык активно портит, а кто-то спасает. При этом «спасающие» говорят, что чистота языка в наших руках, а их оппоненты – что язык во всем разберется сам. Истина, как обычно, посередине. Конечно, язык – это то, как говорят люди. Если бы все всегда говорили как в учебнике, язык не менялся бы. Но невозможно заставить всех неукоснительно соблюдать написанные правила. Нарушение правил дорожного движения может стоить жизни, но все равно требуются камеры, штрафы и патрули. Готовы ли мы к грамматическим патрулям, тем более что от нарушения этих правил еще никто не умер?

Важно различать язык и речь. В языке найдется место всем словам и стилям, он вмещает все, что может быть сказано. Речь – то, что произносится или пишется здесь и сейчас. Она зависит от места встречи, собеседника, установленных правил общения.

Возможно, сленгу не место в документах или романтических признаниях, но это не значит, что ему не место в языке.

И главное, нужно думать об уместности. Основная функция языка – обеспечивать общение. Формулировать нужно так, чтобы собеседник все понял, и понял правильно.

Получается, в разговоре с бабушкой или на научной конференции лучше обойтись без сленга. А вот на молодежной вечеринке можно обсудить не новые песни, а последние релизы, с коллегами в IT-компании – тильтануть от тасков. И главное, кому-то, чья грамотность здесь и сейчас не так уж важна, – простить речевые ошибки и не напомнить с умным видом правильное ударение.

Язык признается мертвым, только когда умирает последний человек, именно на нем учившийся говорить. Пока есть люди, по-русски сказавшие свои первые слова, наш язык жив. На живом языке говорят живые люди, и именно потому что они живые, а не роботы, они не могут везде и всегда говорить одинаково. Слова могут быть неграмотно написанными, заимствованными, жаргонными – любыми. Главное – правильно их подобрать. 🌐